

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 8

1972

Лев ОШАНИН

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
М О С К В А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 8

Лев ОШАНИН

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Издательство «ПРАВДА»
Москва 1972

Лев ОШАНИН

Лев Иванович Ошанин родился 30 мая 1912 года в городе Рыбинске, Ярославской области. Член КПСС. Лауреат Государственной премии СССР. Доцент Литературного института имени Горького при СП СССР. Выпустил около сорока книг стихов, песен, пьес, очерков, литературоведческих раздумий. Последнее издание — двухтомник избранных произведений («Художественная литература». 1971 год).

Наиболее известные песни — «Дороги», «Гимн демократической молодежи», «Песня о тревожной молодости», «Течет Волга», «Бирюсинка» и другие.

Дороги последних лет — Волга, Мурманск, Енисей, Сахалин, За рубежом — Франция, Египет, Испания, Болгария, Канада, Англия и другие страны.

В настоящее издание включены избранные стихи и песни, написанные за последние десять лет.

* * *

Кто-то придумал, что тридцатого мая
Мне будто бы стукнуло пятьдесят.
Зачем их считают, не понимая,—
Года, как яблоки в листьях, висят.
Какой из них выбрать,

из тех, не новых,
Мальчишеских, высвеченных пургой,
Когда в полярных снегах двухметровых
Ты землю слышать умел под ногой?
Тот, в серых бомбах и минах под Жиздрой,
Когда в беспомощности немой
Ты отдал за полминуты полжизни?
Или, может, сорок седьмой,
Когда тебя пели тамтамы и трубы
И все языки унесли потом?
Или тот, когда первые девичьи губы
Ты открыл потрясенным ртом?

Вернуть их нет никакого средства —
Все, как яблоки, падали навсегда.
Но что там — ожог, удача, беда —
Каждый чем-то остался в сердце.
И жизнь моя вновь мне сейчас видна,
С ошибками, может, она и грехами,—
Но сердцем, помыслами, стихами
Людям вся она отдана.
А если бы люди могли бы,
Как в кино, возвращать невозвратный путь,
Что, как мне бы дали на выбор,
Какой из годов навсегда вернуть —
И вдруг понимаю я, холодея,
Что даже без самых горьких лет,
Оставивших кровоточащий след,
Я был бы сегодня душой беднее.

Пусть сердцу трудно — оно не скажет.
Пусть шумы его иногда басят,
Но я не прошу никаких побряжек —
Черт с ними, с годами. Беру пятьдесят.

1962

ТЕЧЕТ ВОЛГА

Издалека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга —
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга,
А мне семнадцать лет.

Сказала мать: «Бывает все, сынок,
Быть может, ты устанешь от дорог,—
Когда придешь домой в конце пути,
Свои ладони в Волгу опусти».

Издалека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга —
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга,
А мне уж тридцать лет.

Тот первый взгляд и первый плеск весла...
Все было, только речка унесла...
Я не грущу о той весне былой,
Взамен ее твоя любовь со мной.

Издалека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга —
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Гляжу в тебя, Волга,
Седьмой десяток лет.

Здесь мой причал, и здесь мои друзья,
Все, без чего на свете жить нельзя.

С далеких плесов в звездной тишине
Другой мальчишка подпевает мне:

«Издалека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга —
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга,
А мне семнадцать лет».

1962

* * *

Нелегко быть великой державой
И за судьбы земли отвечать:
Если суд совершится неправый —
Не молчать, не молчать, не молчать.
В дальний путь снаряжать космонавта
И отказывать снова себе —
То во имя высокого завтра,
То затем, чтоб не сгинуть в борьбе.
Много проще, давая обеды,
Не воюя полтысячи лет,
Скажем, жить, как швейцарцы и шведы,
Словно мира за окнами нет.
Только мы так не можем с тобою,
Слишком любим полет корабля,
Слишком долго была ты рабою,
Исстрадавшаяся земля.
И не станем мы так — как иные,—
Меж монетами души дробя,
Поворачивать дали земные
Для себя, для себя, для себя.
Им видней, как грехи им замаливать,
Наше дело — на общем пути
Ту венгерскую девушку, Марику,
Ту вьетнамку веселую, маленькую,
Этих финских мальчишек спасти!

Хельсинки

1962

БИРЮСИНКА

До свиданья, белый город
С огоньками на весу!
Через степи, через горы
Мне на речку Бирюсу.
Только лоси славят в трубы
Там сибирскую весну.
Только валят лесорубы
Там ангарскую сосну.
Там, где речка, речка Бирюса,
Ломая лед, шумит-поет на голоса,—
Там ждет меня таежная,
Тревожная краса...
Не березку, не осинку,
Не кедровую тайгу,
А девчонку-бирюсинку
Позабыть я не могу.
С ружьем уйдет под ветер,
Не найдешь четыре дня.
...Может, в лося выстрел метил,
А ударил он в меня.

Пусть красивы городские —
У нее глаза синей.
Городские не такие,
Если сердце тянет к ней...
Перед этим синим взором
Я, как парус на волне.
То ль ее везти мне в город,
То ль в тайге остаться мне...
Там, где речка, речка Бирюса,
Ломая лед, шумит-поет на голоса,—
Там ждет меня таежная,
Тревожная краса...

1962

* * *

Литература — это исповедь,
Под видом исповеди — проповедь,
Для тех, кто ненавистен, — отповедь,
Для всех, кого ты любишь, — заповедь.

1962

НАПИШИ МНЕ, МАМА, В ЕГИПЕТ

Жар пустыни нам щеки щипет,
И песок забивает рот.
Напиши мне, мама, в Египет,
Как там Волга моя живет.

Не спешу я пока обратно,
Чтобы память о нас хранил
Этот желтый и непонятный,
Непохожий на Волгу Нил.

Будет море — мы это знаем,—
Будет небо в морской пыли...
И летят сюда вслед за нами
Наши русские журавли.

Мне бы лучше в Сибирь путевку.
Но учти, когда выйдет срок,
Вдруг на Марс начнется вербовка —
Я поехал бы на годок.

Здесь как будто весь воздух выпит,
Нету дождика третий год...
Напиши мне, мама, в Египет,
Как там Волга моя живет.

1963

* * *

И волосы рыжи, и тонки запястья,
И губ запрокинутых зной...
Спасибо тебе за короткое счастье,
За то, что я молод с тобой.

Протянутся рельсы и лязгнут зубами.
Спасибо тебе и прощай.
Ты можешь не врать мне про вечную память,
Но все ж вспомняешь невзначай!

Тщеславье твое я тревожу немножко,
И слишком ты в жизни одна.
А ты для меня посошок на дорожку,
Последняя стопка вина.

Нам встретиться снова не будет okazji —
Спешат уже черти за мной
Ты тонкая ниточка радиосвязи
С моей ненаглядной землей.

1963

НАЗЫМУ ХИКМЕТУ

У лиловой картины

У лиловой картины, которую ты мне принес,
Где ухабы, дома или море с соляровкой и дымом,
Старый критик стоял, глядя в заводи зыбких полос,
И спросил наконец:

— Почему вы дружили с Назымом? —
Ты, пройдя сквозь страданье, которого хватит троим,
Ты, придя как легенда и вдруг обернувшись живым, —
Рыжий турок с короткой и вечной судьбой,
В самом деле, Назым, почему мы дружили с тобой?

Я любил в тебе ярость и то, как ты жил без отказа.
То, что не был ты старым, что не был ты старым ни разу.
Звонкий труженик, землю упрямо лечил ты больную,
В шестьдесят пил вино и девчонку любил озорную.
Даже умер живя, улыбнувшись июньскому свету.
Утром. Руку подняв, чтобы вынуть газету.

Я с тобой подружился той давней турецкою ночью,
В час, когда тебя бросили в одиночку.
И в тот полдень берлинский, в те две раскаленных недели,
Когда вместе с тобой мы дрались, и писали, и пели.
В драке ты веселел, забывал и болезнь и усталость.
И за друга был рад, если песня его получалась.
Ты, как я, москвичом был. Москву ты любил. Но я знаю,
Как во сне тебя Турция не оставляла родная.
Минаретами сердце колола, синела Босфором,
Молодыми друзьями стояла всегда перед взором.
Пусть писал ты, могучий, иным, удивительным словом.
Пусть привык ты вдали к диловатым картинам лиловым.
Пусть не сверстники мы, пусть мы кровью совсем не родные.
Пусть хотели поссорить нас люди иные —
Жажда жизни, Назым, нас навеки сдружила с тобою.

Чувство локтя, Назым, нас нигде не бросало с тобою.
Мы с тобой оптимисты, Назым,— так нам сердце велело.
Мы с тобой коммунисты, Назым. Может, в этом все дело.

После приезда из Стамбула

Здравствуй, Назым,
мы не виделись много снегов и дождей.
Здравствуй, брат,
я принес тебе землю
родины дальней твоей.
По Стамбулу со мною
повсюду ходил ты незримо.
Жадно, молча
смотрел я в лица встречающих людей.
Турки, вы мои братья,
если вы любили Назыма.
Вы враги мои, турки,— те, что убили Назыма.
Я никак не пойму, что случилось:
ты — и вдруг тишина и покой.
Нет, неправда, ты нужен.
Душа твоя неуязвима.
Пусть земля твоя
будет навеки с тобой.

1964

КОРРИДА

«Бой быков» — это чепуха.
Такое еще никем не открыто.
«Бой с быком» или «бег быка»,—
Просто «бег» — по-испански «коррида».
Все становится ясным, пока
Мы сидим на «пласа де торос» Мадрида.

И не думал я до сих пор,
Испанцев Бизе принимая на веру,
Что здесь не услышишь: «тореадор» —
Звучит короче и звонче: «тореро».
И если это и впрямь тореро,
То это искусство, а не карьера.

Одежда его — расшитый шелк.
Движенья — расчет и мера.
Надо, чтоб рог быка прошел
Рядом с боком тореро.

А если к тореро милостив бог,
То бык слегка поцарапает бок.

Коррида — это талант и труд,
Отзвук древних страстей разбойных.
Коррида — это когда орут,
Как двадцать пять стадионов футбольных.
И от девчонки до старика
Испанская публика понаторела —
Ей нужна не просто смерть быка,
А чтоб рядом со смертью ходил тореро.
А тореро — крестьянский парень.
Полуграмотный, легкий, везучий парень.
В этой нищей прекрасной земле туристов
Он такой один деревень на триста.
Он встречает опасность легкой рукой.
Он жизнь готов разменять на песеты.

...А бык, как на грех, попался такой,
Что бежит от людей и от красного цвета.

Торо... Торо — это не просто бык.
Он к свободе на пастбищах вольных привык.
Он, быть может, потомок быков-владык,
Тех священных быков
Из египетских желтых песков.

«Торо!» — крик человеческий густ.
Улюлюкает публика, злобу точит.
Но то ли дальтоник он, то ли трус —
Только торо никак умирать не хочет.
Бьет рогами в ворота, стараясь уйти.
Но ему уже нету иного пути.

Последнее солнце он ловит зрачком.
Последний прыжок — и ни всхрипа, ни шага.
И тореро становится мясником,
И в мясо быка вползает шпага.

Над «пласа де торос» бегут облака.
А у сердца, говоря откровенно,
Нету выхода, как у быка,
Выпущенного на арену.

...Но тише —

 новый бык запылдил,
Могуч, как мамонт, и зол, как пантера.
И плащ
 с рогами его скрестил,
В струнку вытянувшись, тореро.

1965

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

От любви моей до любви твоей
Было столько верст, было столько дней.

Вьюга смешала землю с небом,
Серое небо — с белым снегом.
Шел я сквозь вьюгу, шел сквозь небо,
Чтобы тебя отыскать на земле.
Как ты посмела не поверить,
Как ты посмела не ответить,
Не догадаться, не заметить,
Что твое счастье в руках у меня.
 Нет без тебя света,
 Нет от тебя ответа.
 Верю, что ждешь где-то,
 Всюду зову, всюду ищу тебя.
Вьюга смешала землю с небом.
Серое небо — с белым снегом.
Шел я сквозь вьюгу, шел сквозь небо,
Но до тебя я дойду все равно.

От любви моей, от любви твоей
Стал упрямей я, стал еще сильнее.

Хочешь, пройду я кручей горной,
Хочешь, взлечу я к туче черной.
Тесен для сердца мир просторный,
И не умею я жить, не любя.

Нет без тебя света,
Нет от тебя ответа.
Верю, что ждешь где-то.
Слышишь, зову, слышишь, иду к тебе.
Вьюга смешала землю с небом,
Серое небо — с белым снегом.
Шел я сквозь вьюгу, шел сквозь небо,
Но я тебя отыщу все равно. Все равно.

1964

* * *

Ошалели ребята от вечного дня.
Ходят, песней бренча и гитарой звеня.
Ходят парни, всей улице спать не дают.
Может, просто тебе серенаду поют?
На бессонном, на белом просторе ночном
Это я вместе с ними пою под окном,
Все слова переврав, перепутав напев,
От весенней бессонницы ошалев.

Солнце только что
скрылось за ближней горой
И встает уже, день начиная второй.
Солнце сушат геологи в синих горах,
Поджигают его по ночам на кострах.
И, тихонько подброшенное плечом,
Солнце по небу катится желтым мячом,
Через облако чертит крутую дугу.
Задыхаясь от счастья, за ним я бегу.
Задыхаясь от боли, его я ловлю.
И поймать не могу. И люблю. И не сплю.

1966

* * *

Я люблю эту девочку в шарфике тонком,
В красных варежках, взятых у зорьки взаймы,
Что явилась сияющим гадким утенком
Ни с того ни с сего посредине зимы.

Я люблю эту женщину, ту, что проснулась
И открыла неожиданно мне глаз глубину,
Ту, чья нежная и беспощадная юность
Молодит и торопит мою седину.

Мы смеемся, бежим, окликая друг друга,
Друг от друга почти ничего не тая.
По снегам и болотам Полярного круга
Разнеслась лебединая песня моя.

Время бьет каблуками в пружинистый камень,
Самолеты взвиваются, небо смоля...
...Ну и что же, любимая, если земля
Потихоньку горит у меня под ногами?

1966

* * *

В сердце разная боль и разный страх.
Мы идем, обнявшись, в разных мирах.
Ничего между нами с тобою нет,
Никого между нами с тобою нет —
Только лунный свет, только тридцать лет.
Видим мы под сводом одних небес
Я — приволжский плес, ты — прибранский лес.
Две галактики наших встают из тьмы,
Скальпель памяти в них погружаем мы.
Ты вытаскиваешь его наугад,
Я дивлюсь, как твой маленький мир богат.
Я огни и вехи в моей судьбе
Достаю со дна, отдаю тебе.
Я азартней еще не видал игры —
Мы идем
и смешиваем миры.

Переулочек полон полночных снов.
Мы идем, понимая слова без слов.
Каждый шаг двойной, как эхо в горах.
Мы идем, обнявшись, в разных мирах.
Еще много в них неоткрытых звезд,
Нерожденных слов, непонятных слез...

Но встает уже новый рассвет, лучась.
...Видно, стоило столько пройти пути,
Чтобы в самый неожиданный на свете час
Через два поколения тебя найти.

1967

* * *

Снится мне, что я усталый конь.
Волоку телегу сквозь огонь.
А со мной в упряжку впряжена
Маленькая девочка — жена.
Слезы по щекам, блуждает взгляд,
Волосы ее уже горят.
— Брось телегу, глупая. Беги,—
Дальше вовсе не видать ни зги.—
Нос в веснушках вскинула рябой,
Заглотнула слезы: — Я с тобой.

1967

* * *

Простите все, кого любил я раньше
Полвека или полчаса.
Простите, души маленьких обманщиц,
С которых путь по жизни начался.
И та, с кем все на свете было общим,
Та, что сожгла на медленном огне
Себя, меня, все, что болит и ропщет
И никогда не замолчит во мне.

И вот, когда уже иссякли силы,
Когда казалось, что конец всему,
Доверчивость и радость приносила
Ты, несмышлениш, сердцу моему.
Не знаю, что ты поняла сначала,
Не знаю, что года подарят нам,
Но, звонко оторвавшись от причала,
Мой парус вновь помчался по волнам.

Две жизни жить, быть может, невозможно,
Не по плечу слепому храбрецу.

Конечно, все свести совсем несложно
К дешевому мещанскому концу.
Но верю я — мой парус не обманщик,
Зовут его лучистые края...
Простите все, кого любил я раньше,
И в добрый путь, избранница моя.

1967

ВРЕМЯ

Двадцать лет пройдет, сорок лет пройдет —
Время все быстрее движется вперед.
Слыша, как звенит земля,
Как тепло хранит земля,
Новый человек по земле пройдет.

Для него я горел, воевал
И, как бог, этот мир создавал —
Мир стеклянных дворцов, и морской синевы,
И огня, и зеленой травы.
Он придет в этот праздник огней —
Человек наших завтрашних дней.
И за все, что найдет на планете живой,
Благодарность свою он отдаст нам с тобой.

Двести лет пройдет, триста лет пройдет
Сквозь туман и свет, сквозь жару и лед.
Слыша, как звенит земля,
Как тепло хранит земля,
Новый человек по земле пройдет.

Чтобы мир этот был невредим,
Мы в ответе с тобой перед ним.
Мы в ответе с тобой перед горным ручьем,
Перед каждым цветущим кустом.
Чтобы не были души пусты,
Чтоб огонь не унес красоты,
Чтобы реки текли, чтобы вишни цвели,
Мы в ответе с тобой за простор всей земли.
Время счет ведет вековым пером.
Время счет ведет в тишину и в гром.

Слыша, как звенит земля,
Как тепло хранит земля,
Наш далекий друг вспомнит нас добром.
Мы в ответе с тобой перед ним навсегда!

1967

* * *

Он канадец, он канадец — только вдруг
По ночам он вспоминает Петербург
Там давно уж не осталось никого.
Где он жил там? Я забыл спросить его.
Только дома в Монреале вся стена
Петербургом у него заселена.
А жена его — прекрасная жена —
Полунемка по рождению она.
Дети — трое, дети — две сестры и брат —
Дома только по-английски говорят.
Сзади Лондон, как в тумане, в полумгле.
Помотало их по матушке-земле.

...Из Парижа он читает нам письмо,
Словно детство улыбается само.
Как-то вот все повидаться недосуг.
Пишет Оленька — княгиня, старый друг.
Буквы русские кренятся, твердый знак...
Что-то «будет состояться» там на днях.
Покалякав, выпив водочки «за жизнь»,
Мы расстались, разлетелись, разошлись.
Он остался в монреальской стороне
С древней Русью, с Петербургом на стене.
Он канадец, он канадец — только вот
Тихо плачет, когда Зыкина поет.

1967

БАЛЛАДА О ПОИСКАХ СЕБЯ

Обласкан он родной страной —
Пророк в своем дому.
Да что страна — весь шар земной
Рукоплескал ему.

Великий доктор, полубог
Семидесяти лет,
Он тысячам людей помог
Опять увидеть свет.
Вот и рассказ мой начался
В том памятном году,—
Я вез к нему свои глаза
Определить беду.
В Москве они рождали спор,
Неясный до поры.
А он им вынес приговор
Минуты в полторы.
И все не кончилось на том,—
Как новый добрый друг,
Он пригласил меня в свой дом,
В семейный узкий круг.

Вот и сейчас — пером шуршу,
А вижу под пером
Пирог, куриную лапшу
И бога за столом.
Вдруг он вскочил, засуетясь,
Не разжимая губ,
Схватил листов густую вязь
И отодвинул суп.
И сказал мне голосом реденьким:
— Неудачник я с малых лет.
Черт попутал — погнал меня в медики.
Понимаете, я ведь поэт.
И он стал читать строки гладкие
Все скучнее и все длинней.
Выпевая и пестуя гласные
И не ведая муки моей.

...Все это было так давно.
Прокапали года.
Он остается все равно
Великим навсегда.
А я люблю свой тяжкий труд,
Упрямую тоску,
Когда глаза и сердце ждут
Пропавшую строку.

Когда ж глуха рука моя —
Пиши иль не пиши,—

Тоска клубится, как змея,
И строки, как гроши,—
Отбросив слова тайный след,
Я в звуках слышу вкус и цвет,
Слезу и смех, ручей в глуши
И тяжесть бытия...
Ошибка вся судьба моя!
Наверно, композитор я
По замыслу души.

1968

АКТРИСА

Она стареет. Дряблему лицу
Не помогают больше притирания,
Как новой ручки медное сиянье
Усталому от времени крыльцу.
А взгляд ее не сдался, не потух.
Пусть не девчонок, не красавиц хлестких —
Она еще выводит на подмостки
Своих эпизодических старух.

И сохранилась старенькая лента,—
Едва объявят где-нибудь, одна,
Смущаясь, с томной слабостью в коленках,
Спешит в неполный кинозал она.
Спешит назад к себе, двадцатилетней,
Когда среди бесчисленных сестер,
Ее, одну на целом белом свете,
Открыл для этой ленты режиссер.

И, хоть глаза счастливые влажны,
Она глядит чуть-чуть со стороны.
Вот этот шаг не так бы, это слово,
Вот этот взгляд, вот этот поворот...
Ах, если бы сейчас, ах, если б снова...
А фильм себе тихонечко идет —
Не слишком звонкий и не обветшалый.
Но что-то было в той девчонке шалой,
Чего она не поняла сама.
Ухмылка? Быстрой речи кутерьма?

И вновь она тревожится и любит
Среди чужих людей в случайном клубе...
Но гаснет ленты обжитой уют.
Вся там, вдали от жизни повседневной,
Она идет походкою царевны.
А зрители ее не узнают.

1968

АРКАДИЮ ОСТРОВСКОМУ

Готов шагать в рассвет и в полутьму,
Доверю жизнь любому кораблю,
И только, сам не знаю почему,
По кладбищам ходить я не люблю.
Но есть такие памятные дни,—
Что б ни случилось, солнце или дождь,—
Они зовут и требуют они
Идти к друзьям, которых не вернешь.
Аркаша, милый, замер голос твой,
Рояль твой смолк, и дома тебя нет
Вот ты глядишь почти совсем живой,
Пока еще не памятник — портрет.
Нам потянуться бы к карандашу,
Поссориться, друг друга торопя.
Я больше года песен не пишу,
С тех пор, как я остался без тебя.
Как холодно тебе, должно быть, брат,—
Здесь пляска всем снегам разрешена.
Днем птицы веселятся и трубят,
А по ночам мешает тишина.
...Пока я жив, Аркаша, ты со мной.
А я уйду — не унесу слова,
И долго будет на земле родной
Твоя душа певучая жива.
И снова выюга губы обметет,
Смешает землю с небом в свой черед.
И кто-то вновь любовь встречать придет
У наших старых маленьких ворот.
И пароходы будут провожать,
И странным лунным камнем дорожить,
И солнце будет в небе путь держать,
И песня с человеком будет жить.

И двести лет и триста лет пройдет
Сквозь тишину и неусыпный бой.
И, может быть, отыщет песню тот,
Тот, перед кем в ответе мы с тобой.

1969

ПРОВОДЫ

Отпевают покойницу —

рабу божью Ольгу.

Пять седых коммунистов стоят в головах.

Пять седых коммунистов... И слезы невольно
Провожают навек ее легонький прах

...Ты прости нас, Матвевна,

что в бога не верим,

Что не слишком и слышим святого отца...

Мы за жизнь-то уже попривыкли к потерям,

А тебя вот хотим проводить до конца...

В церкви редко была, только верила в бога,

Ничего для себя у него не прося.

Даже грамоты не дал он ей на дорогу...

В суете непосильной измаялась вся...

Сколько горя незрячему богу простила,

Немудреные, может, свершая дела.

И не бога она из фашистского тыла,

А Россию и дочку на помощь ждала.

А потом приняла в свои руки старушки

Двух внучат, их учила воде и огню.

И совсем не искала, чтоб тонкие души

Через дочку в ее напросились родню.

Ничего не читала, лишь спину ломала —

Ей такая была по душе кабала.

А беду, а слезу —

все как есть понимала,—

Может, самую тонкой душою была

Грубовато порою, но с мудростью древней

С сердца снимет страданья затянутый жгут...

А почуяла смерть --- запросилась в деревню.

Все боялась — помрет, а ее и сожгут

Будет прах ее легонький в землю опущен.

Будет в лентах венков только свежий цветок.

Завтра, рядом с могилой, где травы погуще,
Ей скамейку покойную сладит зятек.
Видишь, все, как хотелось ей,—
люстры не меркнут,
И певучий служитель не скуп на слова,
И родня издалека приехала в церковь,
И не верится нам, что она нежива.
Что же странного, если так на сердце больно,
Если дочь-партизанка заплачет навзрыд...
Отпевают покойницу —
рабу божью Ольгу,
И в руках ее сложенных свечка горит.

1968

ВЬЕТНАМСКОЕ КОЛЬЦО

*Поэту Южного Вьетнама Наму,
встреченному на фестивале молодежи в Софии*

У меня на пальце кольцо,
Как прожектор ночной в лицо,
Как обломок мира чужого,
Как невыговоренное слово,
Как раскрытый огнем обман,
Как заклятье и талисман.

Эти кольца не покупались
В полусмерти ночной пальбы —
Друг надел мне его на палец,
Как частицу своей судьбы.
Легкий белый металл полета
На ином берегу рожден:
Из закланного самолета,
Из подбитого самолета
Вывран, выплавлен, отнят он.

У меня на пальце кольцо —
Друга яростное лицо.
С мертвой детской щеки слеза,
С непокорной земли гроза.

1969

* * *

Волна накрыла и открыла,
И на рассвете воздух пьян.
И всплыли Малые Курилы,
И оголился океан.
Вот так в ночной неразберихе
Начнет кораблик твой трясти,
А после скажут: «Это Тихий».
Не веришь — в атласе прочти.

Пестрит в глазах и вяжет веки
Кипенье рыбной суеты.
И вот уже темнеют реки
От спин горбуши и кеты.
Уже на подступах тайфуны.
А сквозь туман, едва дыша,
Крадутся к нам чужие шхуны,
Побраконьерствовать спеша.

Здесь нет бездельников и робких,
Здесь днем и ночью не до сна.
Здесь полуполюс, полутропики,
Здесь полумир, полувойна.

1969

* * *

Есть на Малых Курилах волной пропыленный
Островок под негромким названием Зеленый.
Говорят, что среди лопухов и камней
Там гуляет табун длинногривых коней,
В сорок пятом забытый, войной опаленный.

Только издали видел я остров Зеленый.
Но я знаю,

почуяв шаги следопыта,
О поводьях не ведая и о вожжах,
Втянет ветер неволи ноздрями вожак —
И отстукают марш барабаны-копыта.
Если вздумаешь бешеный бег их унять,
Встретишь желтых зубов ты оскал одичалый.
Как в далекие тысячелетья, опять
Все сначала тебе начинать, все сначала.

Рядом век, где одни лишь моторы правы.
Час до Токио, девять часов до Москвы.

Засыпаю —

над ухом гремит у меня
Стук копыта о камень и ржанье коня.

1969

СОВРЕМЕННОСТИ

Владимиру Коккинаки

Современники! Скольких из вас я любил,
Только многим ли мог я сказать хоть полслова?
Ленин тоже моим современником был,
Но и встретить его не успел я живого —
Только траурный белый январский мороз...
Сколько было иных великанов, поменьше,
Живших

на неразменность, на страсть, на износ...
Сколько было седых удивительных женщин...
Рядом детство и юность встречали потом
«Чкалов», «Громов» — слова, словно времени знаки.
И еще одно врезалось имя —

винтом,
Сгустком воли, и нервов, и жил —

Коккинаки.

Весь из острых локтей, из нацеленных глаз,
Удалой, как мальчишка в коричневых цыпках,
От хорошего моря принес он для нас
Убежденность. Характер. Расчет. И улыбку.
Есть такое в его легендарной судьбе,
Что нельзя не оставить для тысяч мальчишек.
Мы ему говорим: «Напиши о себе».
Он молчит, улыбается и не пишет.
Годы считаны. Время, как поезд в метро.
Жить — Отелло, Шекспиру — придумывать пьесу.
Он боится: начнет и поверит в перо,
А оно обернется легчайшим по весу.
Что тут — лень? Круговая гордыня? Дела?
Разберись без усмешки, без спешки, без гнева:
Он не может позволить, чтоб книга была
Мелковатей того, что им вписано в небо

Старший юноша, ведающий мастерство,—
Вот он — в книгах, в картинах, с походкой упругой...
Я не думал, что запросто встречу его,
Что душе я позволю назвать его другом.

Я не знаю, создам ли хоть беглый портрет?
Просто был он из тех, кто судил себя строго,
Мог спокойно наркому отвечать: «Нет»,
Не задумавшись о невоздушных тревогах.
Но за то штурмовой бронированный «ИЛ»,
Несмотря ни на что, стал увесистым фактом,—
И по недругу мыслью ильюшинской бил,
Нес на крыльях его, Коккинаки, характер.

...Это он проложил сквозь Атлантику путь.
В кинохронике, даже скупой, черно-белой,
Праздник рук и цветов...

А вот как дотянуть
Он сумел на машине обледенелой?
Это он раздвигал потолок высоты.
На парадах шел в штопор едва не до кровель.
И с конструктором дерзким по-братски на «ТЫ»
Ровно тридцать пять лет самолеты готовил.

Доводи, доводи: каждый час, каждый миг
Новой скоростью мерь, новой надобной мерой,
Без примеров былых, без советов и книг —
Верь. И жизнью своей утверждай эту веру.

Годы сменны. Они, словно ветра глотки.
И ракеты уходят в бессонное небо.
За улыбкой Гагарина мы, чудаки,
Забываем о тех, без кого бы он не был.

Скоро семьдесят. Трудных побед череда.
Современник, чей первый порыв безвозвратен,
Я хочу, Коккинаки, в такие года
Быть, как ты, незаменен, и зорек, и статен.
Вот стоишь ты в суровой своей красоте,
Улыбаясь, баяя неторопкое слово.
Старший брат мой, учусь у тебя простоте
И могучему вещему вечному зову.

1969

* * *

Краса осеннего листа
Зовет смотреть, смотреть...
Но, черт возьми,
 нам красота,
А для него-то смерть.
Какая ж это смерть, взглядишь,—
Свободен, нетяжел —
Летит, летит кленовый лист,
То ал, то ярко-желт.
И все-таки я не пойму,
Ответь, коль сможешь ты,
Зачем же умирать ему,
Достигнув красоты?
Ты улыбаешься — пустяк.
Ты скажешь в простоте,
Что часто рвется жизнь вот так —
На высшей красоте.
А я слежу, как он летит,
И сам лечу с листом.
А я смотрю, как он горит
На солнце золотом.
Пусть завтра будет он нечист,
Без красок и похвал,
Но как хорош кленовый лист,
Пока он желт и ал.

1970

В ГОСТЯХ У ЕСЕНИНА

В утро солнечное осеннее,
В чуть зардевший кленовый цвет
Наконец я пришел к Есенину,
Опоздав на полсотни лет.
Говорят, что тут все, как прежде:
Материнской избы покой,
Немощенное побережье,
Заливные луга за Окой.
Вот музей — в доме Анны Снегиной.
Нет поэта, но обе сестры
С молодыми звонкими семьями
По-есенински к нам добры.

Приглашают нас в крепко сбитую
Избу новую в две трубы,
Там уж властвуют именитые
Нынче собранные грибы.
Вряд ли много от них останется,
Если выпал час-хлебосол.
Разворачиваются племянницы —
Мечут сковороды на стол.
В них рязанской округи соки,
Дух мешцерских дубрав и мхов.
...А над нами витают строки
Тех есенинских, яснооких,
Не смолкающих в душах стихов.
Здесь он был у матери принят
Здесь мальчишкой встречал зарю.
Старшей, мудрой Екатерине
Александровне говорю:
— Знаю я, что бывал он печален,—
Словно так, мастерил пустяки,—
Что при жизни здесь не звучали,
Не ценились его стихи.
Не за то ли шумел в столицах
Озорной гордец-чародей,
Подзаборные льстивые лица
Принимал порой за друзей.
Но очищенный и красивый,
Верен правде своей одной,
Пламя чистой любви к России
Он несет по земле родной.
Годы светят и непогодят,
Разлетаясь по сторонам.
Чем он дальше от нас уходит,
Тем становится ближе к нам.

1970

АХ, НАТАША

Нам бы лучше не дружить бы, не гулять бы,
Не ходить бы нам с тобой на танцы в клубе...
Ах, Наташа, ах, подружка, вашу свадьбу
За четыре переулка слышат люди.

Все танцуют, не хватает танцам места,
И луна в окошко смотрит, словно люстра.
Ах, Наташа, ах, подружка, ах, невеста,
Ты прости, что мне сегодня стало грустно.

Я смеялась, танцевала, громко пела,—
Он смотрел такими серыми глазами...
Ах, Наташа, ах, подружка, что мне делать,
Ах, зачем ты за него выходишь замуж...

1969

СНЕЖНАЯ ПЕСНЯ

С. А. Кузоваткину

И время иное и новые лица,
А в сердце опять фронтовой непокой...
Я помню землянку над Западной Лицей,
Над трудной рекой, над кровавой рекой.
И те, кого нет уже,

снова живые.

И снег на горе от осколков рябой.
Комбат Кузоваткин, не там ли впервые
Ту снежную песню мы пели с тобой?
И снайперы кроются за валунами,
И минная горечь в осколках стекла.
...И кружится, кружится вьюга над нами,
И стынет над нами полярная мгла...

О ранах споет тебе ветер февральский,
Тревожить их в августе я не хочу,
Скажу только, друг,
что мундир генеральский
Комбату пришлось как раз по плечу.

Мы много с тех пор башмаков износили,
Но людям ты нужен, а годы не в счет.
Как прежде, в просторах Советской России
Наш русский солдат свою службу несет.

1971

ЯРОСЛАВИЯ

Ты проходишь походкой плавной,
Манишь встречного красотой.
Как зовут тебя? Ярославна.
Ярославна моя, постой!

Разве сердце отдать не в праве я
Той, что с солнцем обручена?
А вокруг тебя Ярославия —
Древнерусская сторона.

Голубые глаза большие
Подарил тебе волжский плес.
От июльских полей России
Теплота золотых волос.

Ярославна, тебя я славлю,
Славлю землю твою в цвету,
Славлю молодость Ярославля —
Нашу русскую красоту.

Разве сердце отдать не вправе я
Той, что с солнцем обручена?
А вокруг тебя Ярославия —
Древнерусская сторона.

1972

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

1

Помнишь, все было странным и диким —
Нежданные ландыши и гвоздики...
До свиданья скорого
В середине города
Под весенний свет!
Это очень дорого,
Это очень здорово —
Восемнадцать лет...
Все стало запутанным и летящим,
А надо быть вместе все чаще и чаще...

2

Прогоняя тени прочь,
Бродит солнце по подушке.
Я опять не спал всю ночь —
Рисовал тебе веснушки.

3

Ласка? Конечно, судьбе назло,
С полной оглаской и без огласки.
Но нечто звонче и выше ласки
Входило в жизнь, светилось, цвело.
Волга нам душу свою открыла.
Мурманск звал нас в морскую даль.
К востоку — на Сахалин и Курилы,
К западу — в Лондон и Монреаль.
На пути за дымные горизонты
Верстам мы потеряли счет.
...По вечернему Торонто
Галка в тапочках идет...
Версты — это не блажь, не причуда...
Где же случилось оно, это чудо?

4

Завтрашний день еще непочат —
Все неизведанно и подспудно.
Два сердца разом в тебе стучат...
А тут и с одним-то справиться трудно.
Новое видится в нашей судьбе
Сквозь дождь московский и полусугробы.
Два сердца разом стучат в тебе.
Сбереги их, пожалуйста, милая, оба.

5

Взлетела шторка, ветер хлопнул дверью.
Попробуй лунный свет останови!
Все началось с молекулы доверья,
Все началось с молекулы любви.

Все началось с зеленой круговерти —
Кольцо, кольцо, еще полукольцо...
И новою ступенькою бессмертья
Явилось миру новое лицо.

КАК НАЗВАТЬ ЧЕЛОВЕКА?

...И вот она, дочка! На нашу милость
Явилось беспомощное существо.
А выдумка вдруг растерялась, смутилась —
Есть сотня имен, но нет одного.
Пока мы ей платище не надели,
Давай называть ее вперебой
Каждым именем на неделю —
Одно пристанет само собой.
Так и жила она, безымянна,—
Варя, Людмила, Света, Весняна.
Какой она будет? Строгой? Лукавой?
Давай назовем ее Ярославой...
А когда о ней рассказали в деревне,
Где новые родичи есть мои,
Услышал не то чтобы старец древний —
Тракторист дядя Миша, глава семьи.
Выпив чарку наполовину,
Крякнув, вымолвил он, обобща:
— Дочка! Пусть назовут Ариной.—
И взялся за первую ложку борща.
Нам привезли дяди Мишину фразу.
Арина? Слово-то не в чести.
...А имя к девчонке пристало сразу.
Дядя Миша, спасибо!
Аришка, расти!

1971

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Кто-то придумал, что тридцатого мая...»	3
Течет Волга	4
«Нелегко быть великой державой...»	5
Бирюсинка	6
«Литература — это исповедь...»	6
Напиши мне, мама, в Египет	7
«И волосы рыжи, и тонки запястья...»	7
Назыму Хикмету	8
Коррида	9
Песня любви	11
«Ошалели ребята от вечного дня...»	12
«Я люблю эту девочку в шарфике тонком...»	12
«В сердце разная боль и разный страх...»	13
«Снится мне, что я усталый конь...»	14
«Простите все, кого любил я раньше...»	14
Время	15
«Он канадец, он канадец — только вдруг...»	16
Баллада о поисках себя	16
Актриса	18
Аркадию Островскому	19
Проводы	20
Вьетнамское кольцо	21
«Волна накрыла и открыла...»	22
«Есть на Малых Курилах волной пропыленный...»	22
Современник	23
Волжане	25
«Краса осеннего листа...»	26
В гостях у Есенина	26
Ах, Наташа	27
Снежная песня	28
Ярославия	29
Рождение человека	29
Как назвать человека?	31

Лев Иванович Ошанин
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Редактор — **П. А. КРАВЧЕНКО.**

Технический редактор Я. М. Б о р и с о в.

Сдано в набор 24/II 1972 г. А 00658. Подписано к печати 31/III 1972 г.
Формат бум. 70×108¹/₃₂. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,62 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 901. Заказ № 2624.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП,
улица «Правды», 24.

*Внимание
граждан!*

**ДОБРОВОЛЬНОЕ
СТРАХОВАНИЕ
СТРОЕНИЙ,**

проводимое в дополнение к обязательному страхованию, обеспечивает более полное возмещение ущерба в случае повреждения или гибели жилых и хозяйственных построек в результате пожара, удара молнии, взрыва, наводнения, землетрясения, бури, урагана, ливня, града, обвала, оползня, аварий отопительной системы и водопроводной сети.

● Договор страхования заключается на один год.

● Взнос уплачивается сразу за весь срок страхования.

Ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно в инспекции или у агента Госстраха.

ГОССТРАХ РСФСР